

The ● Fifth
Child

Doris Lessing

Гарриет и Дэвид встретились на служебной вечеринке, куда ни он, ни она особо не хотели идти, — и каждый сразу понял, что долго ждал этой встречи. С кем-то немодным, консервативным, чтобы не сказать, отсталым, замкнутым, своенравным: так люди говорили об этих двоих, и не было конца нелестным определениям, которые им давали. А они защищали то мнение о себе, которого упрямо держались сами: они простые люди, и потому никто не вправе осуждать их за эмоциональную утонченность и аскетизм только из-за того, что эти качества нынче не в моде.

На той памятной вечеринке сотни две народу набилось в длинный, мрачный и богато украшенный зал, триста тридцать четыре дня в году служивший для заседаний. То был новогодний вечер для трех родственных компаний строительного профиля. Было шумно. От музыки маленького ансамбля тряслись в тяжелом ритме стены и пол. Большинство людей танцевало, плотно скучившись из-за тесноты, пары подсакивали или кружились на одном месте, как на невидимых грампластинках. Женщины разодеты причудливо, броско, ярко: «Посмотрите на меня!

Посмотрите!» Кое-кто из мужчин требовал к себе не меньше внимания. По стенам жались те немногие, кто не танцевал, и среди них были Гарриет и Дэвид, каждый сам по себе, со стаканом в руке — наблюдатели. Оба размышляли о том, что с равным успехом можно увидеть на лицах танцующих, и больше на женских, чем на мужских, хотя и на мужских тоже, — гримасу страдания и визг боли, словно радости. Во всей сцене была какая-то неестественная возбужденность... но ни Дэвид, ни Гарриет не ожидали, что эти их мысли, как и множество других, кто-нибудь разделит.

С противоположного конца зала — если ее вообще можно было разглядеть сквозь такую массу притягивающих взгляд фигур — Гарриет казалась бледной кляксой. Словно она сливалась с пейзажем на холсте импрессиониста или на размытой фотографии. Она стояла возле большого вазона с засушенными травами и листьями, и платье на ней было какое-то цветастое. Остановив на ней взгляд, замечаешь темные кудряшки — немодно... синие глаза, кроткие, но внимательные... губы, пожалуй, слишком плотно сжаты. На деле все ее черты были яркие и правильные, а сложение — крепкое. Здоровая молодая женщина, но, может, она смотрелась бы лучше где-нибудь в саду?

Дэвид уже час стоял на одном месте, медленно пил, его серьезные серо-голубые глаза переходили с одного персонажа или пары на другую, наблюдая, как люди держатся вместе или разбегаются, отскакивая друг от друга. Он не показался бы

Гарриет плотно скроенным человеком: казалось, он почти парил, балансируя на цыпочках. Щуплый молодой мужчина — Дэвид выглядел моложе своих лет — с круглым честным лицом и мягкими каштановыми волосами, в которые девушкам очень хотелось запустить пальцы, но потом на них начинал действовать его сосредоточенный взгляд, и они отступали. Девушкам становилось неуютно. Но только не Гарриет. Она поняла, что это выражение внимательной отстраненности — зеркало ее самой. А его веселость она расценила как напускную. Дэвид так же мысленно оценивал Гарриет: было видно, что сборища вроде этого нравятся ей не больше, чем ему. Они уже знали друг о друге, кто есть кто. Гарриет работала в службе продаж компании, которая проектировала и выпускала строительные материалы; Дэвид был архитектором.

Так что же такое в этих двоих делало их чудачками и одиночками? Их отношение к сексу! Шли шестидесятые. У Дэвида была одна долгая и непростая связь с девушкой, в которую он влюбился против своей воли: такие девушки Дэвиду *не* нравились. Между собой они шутили о притяжении противоположностей. Она говорила, что Дэвид намеревается исправить ее: «Я уверена, *ты* вообразил, что сможешь обуздать эпоху, и начинаешь с меня!» С тех пор как они расстались, и довольно несчастливо, по подсчетам Дэвида, эта девушка переспала в «Сиссонз Бленд энд Ко» со всеми, с кем только смогла. И он бы не удивился, если и

с женщинами тоже. В тот вечер она тоже была на празднике, в алом платье с черными кружевами — остроумная карикатура на костюм фламенко. Из этого коктейля испуганно выглядывала ее голова. Чистейшие двадцатые годы: гладкий шип из черных волос на затылке, два глянцевых черных шипа на висках и черный завиток на лбу. Она отчаянно махала Дэвиду через весь зал и посылала воздушные поцелуи, кружась с кем-то в танце, а Дэвид отвечал приятельской улыбкой: никаких горьких чувств. Что до Гарриет, то она была еще девственна. «Девственница в *наши дни*? — в пору было восклицать ее подругам. — Да ты в своем уме?» Гарриет не считала свою девственность каким-то физиологическим состоянием, которое нужно защищать, — скорее чем-то вроде подарка в многослойной красивой обертке, который она благо разумно отдаст достойному человеку. Над ней смеялись ее собственные сестры. Девушки в конторе смотрели на нее с нарочитой веселостью, когда она принималась гнуть свое: «Извините, мне не нравится прыгать из постели в постель, это не для меня». Гарриет знала: ее обсуждают, она неизменно интересный предмет разговора, обычно — недоброжелательного. С тем же чопорным презрением, с каким добропорядочные женщины поколения бабушек произносили: «Она, знаете ли, довольно распушенна», или: «Такой уж она родилась», или: «Она чужда какой бы то ни было нравственности»; затем (поколение матерей): «Она помешана на мужчинах»

или: «Она нимфоманка», — теперь просвещенные девицы говорили друг другу: «Вероятно, что-то было в детстве, оттого она такая. Бедняжка».

Гарриет и в самом деле иногда думала, что ей не повезло и она в чем-то обделена: мужчины, с которыми она выходила поужинать или в кино, воспринимали ее отказ ни много ни мало как свидетельство нездорового отношения ограниченного человека. Некоторое время у нее была подружка — моложе других, но потом и она стала «такой, как все», — так Гарриет безнадежно определила ее, себя определяя как «не приспособленную к жизни». Многие вечера она проводила в одиночестве, а по выходным часто гостила у матери, которая говорила: «Что ж, ты просто старомодна, вот и все. Многие девушки бы хотели быть такими же, да только у них нет выбора».

Два этих чудака, Гарриет и Дэвид, одновременно вышли друг другу навстречу каждый из своего угла: это будет важно для них потом, когда веселый праздник для служащих станет частью их личной истории. «Да, точно в один и тот же момент...» Им пришлось проталкиваться мимо людей, прижавшихся к стенам; они поднимали стаканы высоко над головой, чтобы не задеть танцующих. Так они наконец сошлись, улыбаясь — хотя, быть может, чуточку беспокойно, — и Дэвид взял ее за руку, и они, протискиваясь сквозь толпу, выбрались в другую комнату, где был бар, полный шумных людей, а через нее — в коридор, малонаселенный обнимающимися парами, и тол-

кнули первую дверь, где подалась ручка. Это был кабинет, в котором имелись письменный стол и несколько жестких стульев, а также диван. Тишина... ну, почти. Они вздохнули. Поставили стаканы. Сели лицом к лицу, чтобы можно было сколько угодно смотреть друг на друга, и начали разговор. Они говорили так, будто обоим долго не удавалось ни с кем поговорить, будто изголодавшись по беседе. Они сидели близко и болтали, пока шум в комнатах по ту сторону коридора не начал стихать, и тогда они потихоньку вышли из здания и отправились к Дэвиду домой, это было недалеко. Там они легли на кровать и лежали, держась за руки и разговаривая, иногда целовались, а потом заснули. Она почти сразу переехала к нему, потому что денег у нее хватало только на комнату в большой коммунальной квартире. Они решили весной пожениться. Чего ждатель? Они ведь созданы друг для друга.

Гарриет была старшей из трех дочерей. Пока не уехала из родительского дома в восемнадцать лет, она не понимала, насколько обязана своему детству — многие ее подруги, у которых родители были в разводе, жили без воли и без цели и проявляли склонность к так называемым расстройством. У Гарриет расстройств не было, и она всегда знала, чего хочет. Она хорошо успевала в школе и поступила в художественный колледж, где выучилась графическому дизайну, который казался вполне приемлемым способом провести время до замужества. Вопрос, делать ли карьеру,

никогда не занимал ее, хотя она подготовилась к обсуждению этой темы: не хотела показаться еще большей чудачкой, чем она и так была. Ее мать получила все, чего могла благоразумно пожелать, и была вполне довольна жизнью — так думала и мать, и дочери. Родители Гарриет не сомневались, что основой счастливой жизни служит семья.

Детство и юность Дэвида прошли совсем по-другому. Отец с матерью развелись, когда ему было семь. Он шутил — и слишком часто, — что у него два комплекта родителей: Дэвид был ребенком, у которого есть комнаты в двух домах, а все кругом сочувствуют его психологическим проблемам. Никакой грезни и ненависти не было, хотя неудобств и страданий детям хватало. Отчим Дэвида, второй муж матери, был ученым-историком и имел большой неухоженный дом в Оксфорде. Дэвиду нравился этот человек, Фредерик Бёрк, добрый, хотя сдержанный, как и мать Дэвида, которая тоже была добра, но сдержанна. Комната в их коттедже стала для Дэвида домом и поныне оставалась в его воображении настоящим домом, хотя скоро он построит новый, с Гарриет, — продолжение и расширение прежнего. Того, который был у него в большой комнате в задней части оксфордского дома с видом на заброшенный сад: неприбранная комната, полная его отрочеством и довольно прохладная, на английский манер. Родной отец Дэвида женился на даме под стать ему самому: яркая, милая, практичная женщина с хорошим и циничным юмором богачки. Джеймс

Ловатт был кораблестроителем, и когда Дэвид соглашался приехать к отцу в гости, его местом вполне могла стать койка на яхте или комната («Это *твоя* комната, Дэвид») на вилле где-нибудь на юге Франции или на острове в Карибском море. Но Дэвид предпочитал старую комнату в Оксфорде. Он вырос с твердым требованием к собственному будущему: у его детей все будет абсолютно иначе. Он знал, чего хочет и какая женщина ему нужна. Если Гарриет ее будущее виделось на старинный манер: мужчина вручит ей ключи от королевства, где она найдет все, чего требует ее душа, по праву рождения, к исполнению которого она — сначала неосознанно, а потом весьма целеустремленно — давно шла, сторонясь любой грязи и лишних драм, то для Дэвида будущее было в том, чего он должен добиться, а потом защищать. И в этом его жена должна быть как он: знать, где находится счастье и как его сберечь. Когда он встретил Гарриет, ему было тридцать, и он работал в суровом режиме амбициозного человека, но работал он только ради своего будущего дома.

В Лондоне найти такой дом, как они хотели, для той жизни, какой они хотели, было невозможно. Вообще, они не были уверены, что хотят жить в Лондоне — нет, не хотели, им было бы лучше в каком-нибудь маленьком городишке с особой атмосферой. Они проводили выходные, рыская по городкам в ближайших окрестностях Лондона, и скоро нашли большой викторианский дом с запущенным садом. Превосходно! Только вот для моло-

дой пары это был бы нонсенс: трехэтажный дом с чердаком, со множеством комнат, коридоров, лестниц... Много места для детей на самом деле.

Но они и собирались иметь кучу детей. Оба слегка демонстративно — из-за дерзости собственных запросов — заявляли, что «не возражали бы» против кучи детей.

— Пусть четверо или пятеро... или шестеро, — сказал Дэвид.

— Или шестеро! — сказала Гарриет, до слез хоча от облегчения.

Они смеялись и катались по кровати, целовались и веселились без удержу оттого, что опасный момент, где каждый из них ожидал и даже готовился принять отказ или компромисс, оказалось, не таит никакой угрозы. Но если друг другу Дэвид и Гарриет могли сказать: «Шестеро детей, по меньшей мере», то никому другому — не могли. Даже при довольно приличной зарплате Дэвида вкупе с жалованьем Гарриет они не смогли бы выплатить закладную. Но они как-нибудь выкрутятся. Гарриет поработает еще пару лет, будет каждый день ездить вместе с Дэвидом в Лондон, и потом...

В день, когда они стали хозяевами большого дома, Гарриет и Дэвид стояли на крыльце, держась за руки, со всех сторон пели птицы — из сада, где сучья были еще черные и поблескивали под холодным дождем ранней весны. Они открыли входную дверь — сердца у них колотились от счастья — и, войдя в огромную комнату, оста-

новились перед широкой лестницей. Кто-то из прежних владельцев понимал смысл дома так же, как Дэвид с Гарриет. Он убрал стены, и комната вобрала в себя почти весь первый этаж. Одну ее половину занимала кухня, ограниченная только низеньким барьером, на который можно было класть книги, другая половина давала место для диванчиков и стульев и всего простора и уюта большой семейной гостиной. Они ступали мягко, осторожно, едва дыша, улыбаясь и переглядываясь и улыбаясь еще больше оттого, что у обоих в глазах стояли слезы, — прошли по голым половицам, на которые скоро лягут ковры, и медленно поднялись по ступеням, на которых дожидались ковровой дорожки старинные медные прутья. Поднявшись на один пролет, они обернулись полюбоваться чудесной комнатой, которая станет сердцем их королевства. И взошли выше. На втором этаже была одна большая спальня — для них; к ней примыкала комнатка поменьше, которую всякий раз будет занимать новорожденный ребенок. И еще четыре славные комнаты были на втором этаже. Выше по основательной, но уже сузившейся лестнице — еще четыре спальни, а за окнами, как и в комнатах этажом ниже, деревья, лужайки, сады — все пейзажи милой загородной жизни. А сверху был еще необъятный чердак — как раз для детей, когда они войдут в возраст тайных волшебных игр.

Дэвид и Гарриет медленно спустились по лестнице — один пролет, другой, они проходили ком-

нату за комнатой, представляя, что те полны детьми, родственниками, гостями, — и снова пришли в свою спальню. В ней осталась большая кровать. Эту кровать специально сделали по заказу той пары, у которой Дэвид и Гарриет купили дом. Чтобы вынести кровать, сказал им агент, пришлось бы ее разобрать, да и хозяева все равно уезжают жить за границу. Гарриет с Дэвидом улеглись рядом на этой кровати и рассматривали свою комнату. Лежали тихо, трепеща перед тем, что приобрели. Казалось, тени сиреневого куста и мокрое солнце за ним соблазнительно рисовали на просторах потолка те годы, что Дэвид и Гарриет проживут в этом доме. Они повернули головы к окну, за которым виднелась верхушка сиреневого куста в крепких бутонах, готовых распуститься. Потом посмотрели друг на друга. Слезы текли у них по щекам. Они занялись любовью там, на своей кровати. Гарриет едва не закричала: «Нет, подожди! Что мы делаем?» Ведь они решили отложить рождение детей на два года? Но Дэвид захватил ее своей решительностью — да, это было так, он любил Гарриет с осознанным и сосредоточенным напором, глядя ей в глаза, и это подтолкнуло Гарриет отдаться ему, принять власть этого человека над ее будущим. Они не захватили презервативов (а таблеткам оба, конечно, не доверяли). У Гарриет были самые опасные дни. Но они с Дэвидом занялись любовью, занялись с торжественной преднамеренностью. Раз. И еще. И потом, когда в комнате стало темно, они снова любили друг друга.